

ВВЕДЕНИЕ

В сборнике представлены материалы научной конференции 23–24 января 2017 г. «XI Иконниковские чтения» на тему «Кризисные состояния архитектурного мышления: энергетический потенциал новизны», входящей в серию конференций, традиционно проводимых отделом проблем теории НИИТИАГ, а также избранные материалы круглого стола на тему «Как работает пространство», организованного отделом 18 октября 2016 г. в рамках фестиваля «Зодчество — 2016», организованного Союзом архитекторов России. В сборнике также представлены статьи сотрудников НИИТИАГ, переводы и короткие эссе, сопутствующие тематике исследований отдела проблем теории и других отделов филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ 2017–2018 гг.

* * *

В начале XXI в. всё более очевидным становится, что смена формальных характеристик архитектуры — итог глубинного переосмысления мироустройства, продукт интуитивного предвосхищения и интеллектуального предчувствия перемен и их констатация. Понятно также, что перемены мироощущения — следствие сложнейшего воздействия скрытых сил: сложной игры политики, экономики, государственного регулирования, технологии, культуры, социальной инженерии — результат работы нелегко постигаемого целого.

И потому сегодня, изучая перипетии истории, а также взлеты и падения архитектурной теоретической и творческой мысли, мы обязаны по возможности вскрывать глубинные импульсы развития человеческого общества, способствующие смене образных характеристик среды обитания. Понятно, что такого рода вскрытия, разрывая устойчивые парадигмы и закрепляясь терминологически, останутся лишь версиями реальности на вековой или на короткий срок. Однако и все теории — лишь модификации некоей трудно уловимой истины. Выдвигаемые архитектурные символы реальности и их теоретическая поддержка — всегда питательная среда всё новых вариаций и живых моделей, несущих онтологическое измерение жизни, благодаря которому движется мысль и относительно адекватно меняется художественное видение.

История и теория архитектуры знают моменты цивилизационных сломов, вызывающих мыслительное напряжение, интеллектуальные прорывы, сломов, активизирующих самосознание самой архитектуры, будирующих взлет кризисного мышления, которое есть стимулятор теоретической и проектно-исследовательской творческой мысли.

Кризисное мышление — неустойчивое мышление. В истории архитектуры это относительно короткий период сверхактивной перекройки устоявшихся парадигм, когда новое и невиданное представляется монструозным, а старое и привычное видится предметом устойчивой привязанности и одновременно мучительных сомнений. Кризисным представляется, к примеру, мышление начала эпохи романтизма, перехода к индустриальному обществу XIX в., мышление при построении общества социального равенства, слома индустриальной эпохи и перехода к постиндустриальному обществу, означенное постмодернистским сознанием.

Мы расцениваем ситуацию начала XXI в. как цивилизационный сдвиг планетарного масштаба, возбудивший неустойчивое кризисное теоретическое и творческое мышление, в частности в архитектуре. Архитектура, всегда символизировавшая устойчивость, сегодня сама предстает как процесс, как цепочка исторических событий. Образы будущего накладываются на знакомые силуэты истории.

Конференция стала своего рода проверкой способности представителей архитектурного цеха размышлять о перипетиях жизни архитектуры. Размышлять можно в привычных терминах или же выйти на иную систематизацию и точнее уловить те напряжения, которые и определяют современные изменения, вскрывают их сущность и тем самым подсказывают пути преодоления сверхнапряжений.

Говоря иначе, можно бесконечно повторять слово «кризис». Но важнее понять, как разворачивается игра сил в человеческом обществе и как отражается эта игра в энергетике пространства, как проявляется в формальном поиске. К примеру, сегодня мы не можем создавать «места» без понимания города как целого.

Конференция также показала жесткость современных условий существования истинно художественной мысли в архитектуре.

Вспомним размышления Альбера Камю: «Каждый художник прикован сегодня к галерее своего времени... Мы в открытом море. Художник, как и все, должен грести и, если удастся, не умереть, то есть продолжать жить и творить». И далее: «Цель искусства вовсе не в том, чтобы предписывать законы или властвовать, а в том, чтобы понять людей. Оно обретает порой власть — благодаря этому пониманию. Ни одно гениальное произведение никогда не основывалось на ненависти или презрении. Поэтому художник в завершающий миг своих размышлений, вместо того чтобы осудить, прощает. Он не судья, а защитник, вечный адвокат, оправдывающий человека, потому что тот живой»*.

Конференция показала, что ситуация кризиса приходит в архитектуру периодически и преодолевается самой архитектурой как дисциплиной художественной и одновременно социально значимой. Архитектор сегодня вынужден быть проводником символической власти экономических структур, но он всегда является проводником гуманной позиции по отношению к человеку. По мысли Умберто Эко, самым характером своего труда архитектор обречен быть последним и единственным гуманистом своего времени.

Конференция своеобразно раскрыла современную ситуацию, утверждая тезис о том, что сегодня далеко не случайна активизация феноменологических концепций в архитектуре, несущих идею выхода из кризисной ситуации — как в креативно-художественном аспекте, так и в политико-социальном измерении. Архитектура действует как коммуникативная среда для общества; ее формальная изобретательность и ее символические смыслы заключаются в стремлении к человеческому благополучию и самосознанию. Организация благоприятных средовых условий имеет первостепенное значение.

* * *

Второе мероприятие — круглый стол на тему «Как работает пространство» было вызвано актуальной необходимостью выдвижения теоретических версий, схватывающих специфическую совокупную расстановку сил, стремительно меняющихся в XXI в.

---

* Камю А. Творчество и свобода. М.: Радуга, 1990. С.177, 187.

структуру мегаполиса и характер контакта его обитателей с городским пространством.

Ускоренные перемены способствуют внедрению пространственных конструкторов обновляющегося мира, но и одновременно стиранию накопленных столетиями пространственных формальных тем, характерных для символизации истинно городского общественного интеллекта.

В этих условиях особый интерес представляет собственно архитектурно-теоретическая глубинная мотивировка действий по управлению пространственным развитием в жестких условиях активизации экономической, технологической, социально-урбанистической составляющих общего пространственно-проекта будущего.

Современное видение проблемы подводит к острой необходимости повышения компетентности самих архитекторов в вопросах фундаментальных основ и механизмов формирования архитектурного пространства, которое бывает своенравным, ранимым и мстительным.

Архитекторы, постоянно и неизбежно работающие с пространством, в большинстве случаев воспринимают феномен пространства недостаточно глубоко. Одна из причин того видится в поверхностном и фрагментарном знании истории профессионального мышления и мастерства. И потому еще одна задача круглого стола состояла в погружении в проблему архитектурного и городского пространства во имя повышения чуткости работы с ним в проектном творчестве ближайшего будущего.

Архитектура не есть только эстетико-функциональное заполнение пространства. Архитектура создает и одновременно организует внутреннюю, порой невидимую жизнь пространства. Угадывает, предчувствует стратегические ходы технологии, экономики, политики.

В последнее время возникают стратегии, всё более радикально опрокидывающие привычные пространственные модели. И потому сегодня недостаточно той техники архитектуры, которая построена на интуитивном познании, недостаточно и той техники, которая складывается с опорой на опробованный существующий дискурс.

Города являются особо крупными и сложными артефактами, которые создало человечество. Архитекторы знают, что нечувствительным вмешательством городскому организму можно и повредить. Города можно рассматривать как физическое собрание зданий, связанных пространством и инфраструктурой. Но важно понимать, что функционально города поддерживают не только типологию, но и скрытые экономические, социальные, культурные, экологические и технологические процессы. Всё это закодировано пространственно. И согласно этой логике получается, что сегодня самая большая область неведения архитекторов — это отношение физического пространства города к функционирующему пространству города, то есть к работающему пространству города и к скрытым процессам.

Причина диссонанса — институционального свойства — в расхождении дисциплин, занимающихся городом, сложившимся за последнюю четверть века. И если совсем упростить схему, то можно сказать, что существует глубокий раскол между теми специалистами, которые занимаются физическим и пространственным синтезом форм в городе (городские проектировщики, архитекторы), и теми, кто занят анализом и контролем социально-экономических процессов, развивающих, оживляющих город (урбанисты, менеджеры, девелоперы и даже специалисты по недвижимости).

Иначе говоря, возникла необходимость для архитектора расширить свои стратегические представления и принять свой объект — современный город и как формально-пространственное, и как сложно функционирующее работающее целое. То есть понять, как работает пространство города, осуществляя главную задачу — обеспечить жизнь города как сложнейшей, быстро изменяющейся системы.

* * *

Блок статей сборника в целом улавливает проблему, которая в сегодняшней реальности приоткрывается далеко не всем специалистам архитектурной профессии и пока фиксируется лишь на уровне предчувствия, тем самым отсылая мысль в сторону феноменологической редукции.

Кризис архитектурного мышления XXI в.— это не тот глубокий тысячелетний кризис цивилизации, о котором писал Рене Генон, и не тот, о котором говорил Альбер Камю в середине XX в.

Можно констатировать, что современное явление спровоцировано прежде всего различием скорости реакции различных дисциплин на цивилизационные изменения. В этой цивилизационной гонке рубежа тысячелетий архитектура является как бы отстающим звеном по отношению, например, к экономике сверхскорого бизнеса или к провидческим талантам специалистов по социологии города.

Уяснив эту тенденцию, видимо, стоит сосредоточить внимание на том провидческом потенциале, который присущ творческому художественному мышлению архитектора как таковому. В этой связи вспомним концепцию *преадаптации*, подсказанную нашим современникам геоэкономистом Александром Неклессой еще 10 лет назад. Архитектору необходимо преадаптационное прозрение, чтобы предвидеть, как действует современная экономика, обогащенная методами цифровой технологии, или как разворачивается сегодня скрытая энергетика общественных социополитических дисциплин в сторону использования архитектуры.

В целом работа над тематикой сборника своеобразно раскрыла современную ситуацию, утверждая тезис о том, что сегодня далеко не случайна активизация феноменологических концепций в архитектуре, несущих идею выхода из кризисной ситуации — как в креативно-художественном аспекте, так и в политико-социальном измерении. Архитектура действует как коммуникативная среда для общества; ее формальная изобретательность и ее символические смыслы заключаются в стремлении к человеческому благополучию и самосознанию. Организация благоприятных средовых условий всегда будет иметь первостепенное значение.

И. Добрицына